

Чжэн Линьлинь живет в старом микрорайоне. Это жилье было выделено семье при сносе их бывшей деревни, которая когда-то находилась на месте города. Прошло уже лет двадцать-тридцать, и сейчас квартал выглядит крайне обветшалым. Если бы не прикрепленная к нему неплохая школа, то, пожалуй, здесь остались бы одни лишь старики, не желающие покидать родные места.

Семья Чжэн Линьлинь уже давно купила квартиру в новом жилом комплексе, но бабушка наотрез отказалась съезжать от старых соседей, так что семья из четырех человек продолжала ютиться здесь.

У ворот микрорайона Чжэн Линьлинь заметила высокого статного красавца и невольно засмотрелась на него. Стоило молодому человеку увидеть их, как его холодная, отстраненная аура мгновенно испарилась. Он приветливо улыбнулся и помахал им рукой.

Лу Сююань направился прямо к Гу Яньчэню и забрал у него рюкзак. Попробовав его на вес, он убедился, что ничего не пропало, а заглянув внутрь, отметил, что вещи сложены аккуратно — совсем не так, как у него самого, когда он в спешке набивает рюкзак до отказа.

Лу Сююань жестом предложил Чжэн Линьлинь показать дорогу. Озеленение в этом районе было неплохим: вдоль дорожек росло много платанов, их густая листва укрывала от солнца, а легкий ветерок приносил приятную прохладу. Большинство жителей были выходцами из одной деревни, и сейчас многие пожилые люди сидели в тени садовых деревьев, коротая время за беседами.

Опасаясь назойливых расспросов соседей, Чжэн Линьлинь повела Лу Сююаня и Гу Яньчэня в обход сада.

На первых этажах домов здесь были небольшие палисадники. Когда они проходили мимо одного из зданий, то увидели, что двор завален горами мусора, над которыми роились мухи.

Лу Сююань невольно задержал взгляд на этом месте, как вдруг из кучи хлама показалась женщина лет пятидесяти. У нее был острый подбородок, высокие скулы и раскосые глаза, которые непрерывно бегали по сторонам.

Заметив Чжэн Линьлинь, она уперла руки в бока:

— Гляди-ка, кто пришел! Наша деревенская отличница. Линьлинь, раз уж ты такая разборчивая и мой Яомэй тебе не пара, нечего водить к себе сразу двоих мужчин. Посмотри на них, красавцы какие, в будущем только наплачешься. Эх, жаль, мой Яомэй слишком честный, не умеет плести сладкие речи.

Чжэн Линьлинь покраснела от возмущения и знаком поторопила спутников идти быстрее. Эта женщина, Цзян Хунмэй, была известна во всем районе своим скверным характером. Она обожала прибирать к рукам чужое: если у кого-то пропадала мелочь или посылка из пункта выдачи, искать её нужно было именно в её доме. Стоило прийти к ней с разборками, как она

начинала с невозмутимым видом нести чушь: — Ой, мы же сироты, живем бедно. Вы такие богатые, что с того, что я взяла у вас какую-то безделицу? Я вам добро делаю, помогаю карму очистить. А вы такие мелочные, только себе карму портите.

При этом Цзян Хунмэй никогда не крада ничего ценного, поэтому даже при вызове полиции дело ограничивалось лишь воспитательной беседой. А еще у неё был тридцатилетний сын — уличный бездельник и хулиган. Если он узнавал, кто вызвал полицию, то просто приходил к дому этого человека, стоял у стены, курил и смотрел, как семья входит и выходит, время от времени отпуская пошлые шуточки. В итоге все старались обходить их стороной.

Несколько месяцев назад Цзян Хунмэй приходила к ним с бутылкой вина свататься. Она заявила, что положила глаз на Чжэн Линьлинь, ведь её сын — будущая гордость рода, и только Линьлинь с её дипломом магистра достойна стать его женой. Родители Чжэн Линьлинь тогда выставили её за дверь. С тех пор Цзян Хунмэй затаила на них злобу и периодически подбрасывала мусор к их порогу.

Обычно Чжэн Линьлинь обходила её дом стороной, но сегодня, пытаясь избежать встречи с людьми в саду, она не заметила, как оказалась прямо перед её двором.

Лу Сююань внимательно посмотрел на Цзян Хунмэй. Её внешность выдавала натуру мелочную и злую, лишенную удачи, с неблагодарными потомками. Несмотря на колкости, стоило Цзян Хунмэй встретиться взглядом с ним и Гу Яньчэнем, она тут же отвела глаза, а её взгляд забегал. Но важнее было другое: её линия жизни была едва заметна, словно над ней нависла смертельная опасность, которую, впрочем, кто-то уже отвел.

Цзян Хунмэй повысила голос:

— Чего уставились? Красавиц не видели? Сама знаю, что хороша, а вот ты, парень, одет как нищий, мне такие не по вкусу. Еще раз посмотришь — возьму плату. Я не собираюсь красоваться бесплатно.

Лу Сююань усмехнулся:

— Действительно, таких, как вы, я еще не встречал. Выглядите прилично, а изо рта одни гадости. Плату брать не буду, так что бесплатно скажу: у вас брови редкие и прерывистые, желобок над губой плоский и короткий, а подбородок острый и скошенный назад. Это лицо человека с печальной старостью и неблагодарными потомками. Вы любите скандалить, людей отталкиваете, и сейчас ваша линия жизни под угрозой — скоро наступит черная полоса.

Цзян Хунмэй хотела было разразиться бранью, но, заметив на Лу Сююане короткое даосское облачение, внезапно осеклась.

В этот момент из соседнего двора, где росло много овощей, донесся робкий голос:

— Сестра Цзян, пожалуйста, потише. Моя Нюню только уснула, она всю ночь кашляла и глаз не сомкнула.

У ворот появилась сорокалетняя женщина с короткой стрижкой, в скромной одежде. Несмотря на простую внешность, она выглядела крепкой и была человеком спокойным и незлобивым. В руках она держала два пакета с баклажанами и стручковой фасолью. Увидев Лу Сююаня, она мельком взглянула на него и, пока Цзян Хунмэй молчала, поспешно протянула пакеты:

— Утром слышала, что у вас овощи закончились. Это только что с грядки, свежие.

Цзян Хунмэй вырвала пакеты и начала брезгливо их перебирать, косясь на Чжэн Линьлинь:

— Вот именно! Дальний родственник не заменит близкого соседа. Если не умеешь ладить с людьми, кто тебе потом поможет? А твоя девчонка и так слабая, должна мне больше хороших вещей приносить. Это ты для здоровья дочки добро копишь, вот она и болеет, что ты мало добрых дел делаешь.

Женщина по имени Хань Сяохун сжала кулаки, опустив голову. Она молчала.

Чжэн Линьлинь не выдержала:

— Тетя Хань, как Яояо? Вы были в больнице?

Не дожидаясь ответа, Цзян Хунмэй тряхнула пакетами:

— Ой, Линьлинь, как же тебя родители воспитали? Старшие говорят, а ты перебиваешь. Хорошо, что ты не вышла за моего сына, а то с такой невесткой я бы в гроб легла...

Цзян Хунмэй внезапно замолчала. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она взглянула на незнакомца рядом с Чжэн Линьлинь: тот в своем даосском халате смотрел на неё с суровым видом и качал головой, а второй, красавец, глядел на неё так холодно, что у неё внутри всё заledenело. Ладно, сына сейчас нет, не стоит лезть на рожон. Да и даос этот — лучше не привлекать его внимание!

Бормоча что-то под нос, она схватила пакеты и скрылась в доме, задернув шторы.

Хань Сяохун облегченно вздохнула, виновато улыбнулась Чжэн Линьлинь, пробормотала, что ей пора, и поспешила в дом к больной дочери.

Лу Сююань расспросил об этих двух женщинах, и Чжэн Линьлинь рассказала всё как есть. Цзян Хунмэй была местной, после смерти мужа-примака жила с сыном, и все в округе от них устали. Хань Сяохун переехала сюда в прошлом году с болезненной дочкой; она была тихой и кроткой, и с самого переезда постоянно терпела нападки Цзян Хунмэй.

За разговором они дошли до дома Чжэн Линьлинь. Квартира находилась на третьем этаже соседнего подъезда, а на двери красовалась новая картинка с изображением духов-хранителей.

Чжэн Линьлинь открыла дверь. Родители и бабушка ждали их в гостиной.

Увидев, что Лу Сююаню и Гу Яньчэню едва перевалило за двадцать, родители Чжэн Линьлинь засомневались. Зато бабушка с улыбкой рассматривала парней: хорошие ребята.

Чжэн Линьлинь уже рассказала родителям всё в мессенджере. И хотя отец и мать все еще испытывали некоторые сомнения, они встретили Лу Сююаня очень тепло — в конце концов, он спас жизнь их дочери.

<http://bllate.org/book/20039/1978812>